

ГЕРМЕНЕВТИКА И СТРУКТУРНЫЙ АНАЛИЗ В ФИЛОСОФСКОЙ ПСИХИАТРИИ XX ВЕКА*

О.А. ВЛАСОВА

Тенденция междисциплинарности, ставшая характерной чертой науки XX века, не обошла и «науку наук». Следуя веяниям времени, философия обратилась к естествознанию, и на границе ее дискурса возникли философия математики, философия медицины, философия психиатрии. Последняя дала много оригинальных идей, развитых впоследствии «чистыми» философами, явила множество пересечений, которые еще ждут своего исследователя.

Сближение и взаимодействие философии и психиатрии было продиктовано во многом причинами методологического характера. Психиатрия первой трети XX века, вслед за дискуссиями о методологии гуманитарных наук (В. Дильтей, М. Вебер, Г. Риккерт и др.) словно бы впервые задумалась о двойственном статусе своего предмета — больного *организма* и больного *человека*. Задача исследовать как одно, так и другое, привела к необходимости разработки новой методологии. Эту задачу попыталась решить экзистенциально-феноменологическая психиатрия.

Феноменологическая психиатрия (К. Ясперс, Э. Минковски, В.Э. фон Гейзштаттель, Э. Штраус) и экзистенциальный анализ (Л. Бинсвангер, М. Босс, Р. Кун и др.), попытавшись изменить ракурс исследования с естественнонаучного на экзистенциальный, обратились к «самому человеку», к его опыту, его миру, его существованию, пусть и несущему отпечаток болезни. Их представители впервые заговорили о том, что за психическим заболеванием стоит специфический экзистенциальный порядок, заданный изменениями темпоральности и пространственности, и что этот порядок конституирует отличный от нормального опыт переживания реальности¹.

Феноменологическая психиатрия и экзистенциальный анализ, определяя новые основания психиатрии, ставят на место естественнонаучного позитивизма феноменологию Гуссерля и фун-

*Работа выполнена при поддержке Гранта Президента Российской Федерации в рамках проекта «Проблема опыта в феноменологической психиатрии и экзистенциальном анализе», проект МК–1760.2008.6.

даментальную онтологию Хайдеггера, и поэтому на место этиологии как учения о причинах и приходит онтология как учение о принципах развертывания нормального и патологического бытия. Смена основания и ракурса исследования приводит к смене методологического подхода, и на место естественнонаучной методологии приходят в большей мере гуманитарные герменевтика и структурный анализ.

Необходимо отметить, что заимствуя идеи феноменологии и интуитивизма, описательной психологии и понимающей социологии, феноменологическая психиатрия и экзистенциальный анализ адаптируют методологию этих направлений к пространству психиатрической клиники. «...Кто гарантирует, что психиатр, являющийся учеником Гуссерля в философии, останется его учеником как врач?»² — совершенно справедливо замечает Ж. Лантери-Лаура. В силу такой философско-клинической специфики философская методология следует здесь за потребностями клиники, и поэтому координирующим центром методологической системы выступает патологический опыт. Так, представитель феноменологической психиатрии Э. Штраус подчеркивает, что в пространстве философской психиатрии необходимо избрать путь «от психиатрии к философии», и в этом случае точкой отсчета становится непосредственный клинический опыт, позволяющий, по мнению ученого, «начать с самих вещей». Следуя за Хайдеггером, Штраус предлагает трактовать психотическое поведение, опираясь не на общепринятые теории, а на структуры мира повседневной жизни. Он продолжает: «Таким образом, я применю своего рода философское “эпохе”, т.е. сначала заключу в скобки все философские учения (те, которые мне известны) и, отталкиваясь от клинического случая, представлю свою философскую теорию...»³.

Этот вектор «от психиатрии к философии», а также междисциплинарная специфика приводят к тому, что в экзистенциально-феноменологической традиции начинают сочетаться иногда не сочетаемые исследовательские приемы, при этом некоторые корректируются в духе, противоречащем их изначальным задачам.

Как подготовительный этап исследования от феноменологии Гуссерля в феноменологическую психиатрию и экзистенциальный анализ переходит процедура феноменологической редукции — метод очищения от «предрассудков» и «предпосылок», должный привести исследователя к самому патологическому опыту. Психиатру вменяется в обязанность воздерживаться от любых ярлыков, любых априорных суждений, касающихся природы человека и его бытия. Представитель экзистенциального анализа, ученик Хайдеггера Медард Босс в связи с этим отмечает: «Мы должны

быть в состоянии воздержаться от толкования человека в рамках каких бы то ни было предвзятых и пагубных априорных категорий... Мы должны выбрать такой подход, который позволяет нам остаться открытыми настолько, насколько это возможно, и слушать, как человек является в своей непосредственной данности»⁴.

Эта традиция не принимает эйдетическую феноменологию, отказываясь, таким образом, от последнего этапа феноменологической редукции, приводящего к чистому эго. Тому нам видятся две причины. Первая связана со спецификой предметной области рассматриваемых направлений. Коль скоро мы говорим о «психически больном» человеке, то редуцировать этого человека нам совершенно незачем, именно его опыт должен выступать основной целью редукции. «Как, — задается вопросом Э. Штраус, — Гуссерль может говорить о мире сознания, когда он практикует *epoché* по отношению к “миру” и “живому телу”? Как Гуссерль может говорить о сознательной жизни, если он, следуя своей методологии, выводит “живое тело” за пределы первоначальных этапов своего философского метода?»⁵

Вторая причина связана со спецификой феноменологического исследования: оно в данном случае носит интрасубъективный характер. На эту черту указывает исследователь творчества Ясперса М. Лангенбах. «...Ясперс, — отмечает он, — совершенно своеобразно трансформировал этот метод для своих собственных целей и превратил его в инструмент анализа субъективного опыта психиатрических пациентов. Так феноменология, которая характеризовалась Гуссерлем как изначально субъективный метод, становится методом интерсубъективным»⁶. В этом случае восхождение к сущностям в их абсолютной всеобщности требует разработанной онтологии сущностей, поскольку здесь они предстают уже не как эйдосы «моего» сознания (как в классической феноменологии), а как действительно всеобщие эйдосы. Эта онтология должна быть разработана как в рамках самой философской феноменологии (напомним, что Гуссерль этого не проделал), так и развита в рамках экзистенциально-феноменологической психиатрии, которая, ограничиваясь онтологически-онтическим уровнем, до «чистой» онтологии не восходит.

Но редукция реализуется на подготовительном этапе. Наиболее значимыми для уровня непосредственного исследования патологического опыта в феноменологической психиатрии и экзистенциальном анализе, как уже отмечалось ранее, оказываются герменевтический и структурный методы. Использование именно этих методов обусловливается спецификой экзистенциально-феноменологической психиатрии как описательной традиции. И поэтому и у того, и у другого во многом один философский пред-

шественник — описательная психология В. Дильтея. При переходе через дисциплинарную границу психиатрии была изменена специфика описательной психологии и структурного анализа, а также оставлен без внимания тот момент учения философа, который касается объективного духа. Само понятие наук о духе при этом стало синонимичным понятию наук о человеке. К влиянию Дильтея, кроме того, было добавлено влияние феноменологии Э. Гуссерля, М. Шелера, Т. Липпса, М. Гайгера, А. Райнаха, фундаментальной онтологии М. Хайдеггера, понимающей социологии М. Вебера, интуитивизма А. Бергсона, неокантианства П. Наторпа и др.

Родоначальником герменевтики в психиатрии является К. Ясперс. Необходимо отметить, что указания на важность понимания в психиатрии присутствовали задолго до Ясперса, но именно он сформировал вокруг этого концепта единую теоретическую систему. Фактически, понимающая психопатология — это описательная психология Дильтея, примененная к области психопатологии. Сравнивая Ясперса с Дильтеем, основатель экзистенциального анализа Людвиг Бинсвангер отмечает: «Мы находим у Ясперса тот же ход рассуждений, только применительно к психопатологии. Его “*пони­мающая психология*” в своих задачах подобна описательной психологии Дильтея»⁷.

Развивая идеи Дильтея и Вебера, Ясперс указывает, что в естественных науках процесс познания ограничен только одним видом связей — причинными связями. В психологии и психопатологии выяснение характера взаимосвязей между событиями психической жизни доступно *пониманию*. При этом он различает два термина: понимание и объяснение. Второе представляет собой объективную демонстрацию взаимосвязей, следствий и управляющих принципов, которые объясняются в терминах причинности. Термин «объяснение» он применяет с целью оценки объективных причинных связей, которые можно увидеть «извне». Понимание же представляет собой субъективное исследование психических взаимосвязей изнутри. Фактически понимающая феноменология у Ясперса синонимична описательной психологии, при этом описание, или понимание, противопоставляется объяснению. Для обнаружения причин нет пределов, для понимания — есть. Вслед за Дильтеем философ отмечает: «Границы нашего понимания определяются всем тем, что может быть обозначено как субстрат сферы психического... Каждая очередная достигнутая граница понимания — стимул для новой постановки вопроса о причинных связях»⁸.

Здесь есть и еще один момент. Понимание, по Дильтею, предполагало вживание в мир собеседника и после этого, фактически

ки, исследование уже не его, а своих переживаний (т.е. его переживаний внутри своего «я»), что для психиатрии было неприемлемым. «Истолкование, — пишет Дильтей, — было бы невозможным, если бы проявления жизни были целиком чуждыми нам»⁹. Поэтому здесь вполне логичным выглядело высказывание Ясперса о том, что больные шизофренией непонятны ему так же, как птицы в его саду. Действительно, как можно понять шизофреника? Его мир ведь невозможно поместить в свое «я». Ясперс просто четко следовал по стопам философа. Тот факт, что Л. Бинсвангер, Э. Минковски, Э. Штраус, В.Э. фон Гебзаттель допускают понимание психотического больного, указывает не на то, что они расширяют и развивают саму процедуру понимания, а на то, что понимание у них обладает другой спецификой, более того, оно направлено на прояснение совершенно другой, чем у Дильтея, структуры. Триада «переживание — выражение — понимание» сохранится, но приобретет совершенно другой смысл.

От Дильтея экзистенциально-феноменологическая традиция наследует и структурный метод. Отыскивая структуралистов за пределами структурализма, У. Эко отмечает: «И разве не тот же структурализм определяет общее направление современных исследований в области психопатологии, работ Минковского, Штрауса и Гебзаттеля, трудов Гольдштейна, анализа наличного бытия у Бинсвангера..?»¹⁰. При этом психологическая структура Дильтея сменяется в феноменологической психиатрии и экзистенциальном анализе экзистенциальной, и поэтому, учитывая лежащую в их основании методологическую модель, такой подход можно охарактеризовать как феноменологический структурализм. Несмотря на некоторое противоречие феноменологии и структурного подхода, на их противоположную направленность (феноменология стремится к предельной абстракции, структурный подход — к предельной конкретике), экзистенциально-феноменологической традиции в силу философско-клинической направленности (предполагающей сочетание абстрактного философского мышления и конкретного клинического) удастся их совместить.

Если герменевтика проникает в психиатрию благодаря Ясперсу, то структурный анализ приходит через работы французского бергсонианца Эжена Минковски. В каждом психическом расстройстве Минковски выделяет два аспекта: идео-аффективный и структурный. Первый позволяет понять больного, установив с ним речевой, мыслительный и эмоциональный контакт, второй — выявить структуру расстройства и то, что обуславливает возникновение специфического мира душевнобольного человека. На его взгляд, нормальные и болезненные формы сознания настолько

отличны, что искать феномены первого во втором неправомерно. В болезненном сознании возникают сходные с точки зрения его структуры феномены, которые Минковски называет гармоничными. Именно они и приходят на смену нормальным. «Таким образом, — указывает он — здесь все, кажется, сводится к тому же “знаменателю”, к плану, к *специфической структуре* (*structure particulière*), где различные черты являются лишь отрывочными манифестациями, лишь *выражением*»¹¹. Психическая болезнь, поэтому, имеет свой собственный план, который и выражается с помощью различных симптомов болезни. В этом случае план болезни будет разворачиваться на структурном уровне, ее видимые признаки, или симптомы, — на идео-эмоциональном, а между этими двумя уровнями будет стоять процесс выражения. Целостность психического при этом полностью не выражима, и идео-эмоциональные проявления являются лишь конкретизацией, внешним проявлением структуры жизни.

Структура обуславливает существование особого мира, непохожей и странной для нас природы, другого существования. Здесь Минковски предлагает понятие *генераторов расстройств* (*troubles générateurs*) как элементарных нарушений, стоящих за глубокими изменениями целостной человеческой личности, самой формы психической жизни. «... В нормальной жизни, — пишет он об этой форме, — она обусловлена способностью проявлять свое “я”, в том числе по отношению к пространству и времени»¹². Поэтому первичная структура пространства и времени различна при различных заболеваниях, и каждое из них имеет свой «план» пространства и времени. Следуя за Бергсоном и развивая его идеи, Минковски говорит о том, что системообразующим принципом структуры опыта является *личный порыв* (*élan personnel*). Он определяет структуру опыта так же, как у Бергсона жизненный порыв устанавливает структуру жизни.

В критической статье, посвященной работе Минковски «Проживаемое время», Ж. Лакан не обходит этого важнейшего, на его взгляд, для исследователя и всей французской психиатрии понятия структуры. По его мнению, структура проявляется в той формальной связанности, которая выступает в различных формах болезненного сознания, которые соединяет воедино сознание «я», предмет и личность. Структура пронизывает реальность опыта и жизни, она обуславливает форму поведения, личности, сознания и обнаруживается за этой формой. Таковым, на его взгляд, и является жизненный порыв как творец любой живой реальности и формообразующий принцип живого будущего¹³.

Минковски развивает и идеи Ясперса. Критикуя его за то, что субъективные симптомы еще не являются у него феноменологи-

ческими данными, он уже переходит от психологического к экзистенциальному ракурсу исследования. В центре его исследовательского интереса — целостное живое «я» больного. Развивает он и метод понимания, дополняя идео-аффективное проникновение и установление контакта феноменологически-структурным анализом. Здесь необходимо подчеркнуть, что он первым среди феноменологических психиатров использует само понятие структурного анализа применительно к психиатрии, в своей формулировке «феноменологически-структурный анализ» окончательно упрочив для науки о душевных болезнях связку «Гуссерль — Дильтей».

Другие представители феноменологической психиатрии и экзистенциального анализа ищут структуру патологического опыта (особенности темпоральности и пространственности), характеризуют лежащие в основе этой структуры взаимосвязи (отражающиеся в стиле патологического опыта). Исследование структуры приходит на смену психиатрическим классификациям и синдромальному анализу, и неслучайно, что в кругу психиатров оно оказывается столь популярно.

Своей кульминации структурный анализ как метод исследования достигает в работах родоначальника экзистенциального анализа Людвига Бинсвангера и предложенном им понятии *экзистенциально-априорных структур существования*. По Бинсвангеру, так же, как естественные науки занимаются изучением природы, подразумевая определенную идею природы, а биология исследует жизнь, имея в виду конкретное понятие жизни, антропологическое исследование человека должно предполагать определенную идею человека. «Мы, — пишет Бинсвангер, — должны выбрать идею, которая будет для нас ориентиром... Эта идея есть (фундаментально-онтологическая) идея *экзистенциальности* как взаимосвязи тех онтологических структур, что конституируют *существование*. Антропологию, трактующую и изучающую человека в контексте этой идеи, мы называем экзистенциальной антропологией»¹⁴.

Бинсвангер отделяет свою экзистенциальную антропологию от фундаментальной онтологии Хайдеггера. В отличие от фундаментальной онтологии, которая, на его взгляд, ставит своей задачей анализ основных структур *Dasein*, в «четкой ориентации на проблему бытия», экзистенциальная антропология имеет своей задачей описать фактические *экзистенциальные* возможности в их основных характеристиках и контекстах и интерпретировать их в соответствии с их *экзистенциальными* структурами. Существование становится промежуточным слоем (*Zwischenschicht*) между симптомом и нарушенной функцией, патологическое существование — комплексным изменением целостной структуры опыта.

Что же это за структура и что лежит в ее основе? Следуя за Хайдеггером, Бинсвангер отвечает: поскольку человеческое существование как бытие-в-мире представляется как забота, то это структура заботы.

Структура мира психотика, основная структура его существования, по мнению Бинсвангера, выражается на всех уровнях его жизни: в его поступках, отношениях с другими, письме, самосознании, восприятии мира и т.д. Понять измерения его существования можно было лишь картировав его физическое, психическое и эмоциональное бытие, его отражение. «Таким образом, — отмечает исследователь, — то, что мы обнаруживаем как всеохватывающую антропологическую структуру в одной области, мы, как уже показали, также находим и в других. Очевидность устойчивости индивидуальных структурных особенностей в отношении к природе (*Artung*) целостной структуры есть нечто совершенно отличное, чем *объяснение* симптома на основании другого или путем теоретического сведения (*Zurückführung*) к научно-теоретической обоснованности, например, психопатологическим синдромом»¹⁵.

Обобщив, можно отметить, что герменевтический метод разветвляется в феноменологической психиатрии в смысле понимающей психологии Ясперса как вчувствование в патологический мир и патологический опыт, и понимание свойственных этому опыту и миру смыслов, в экзистенциальном анализе в хайдеггерианском смысле (как герменевтика бытия), позволяет прояснить смысл болезни в рамках опыта конкретного человека и одновременно исходя из фундаментальных оснований бытия. «...Феноменология, — отмечает Штраус, — пытается понять психически больного, отталкиваясь от нормы живого бытия <...> Становится очевидным, что галлюцинации являются карикатурами нормальных структур, искажениями, отражающими патологические модели бытия в мире»¹⁶.

Структурный метод позволяет проанализировать структуру этого опыта и выявить структурные трансформации. Причем структурный анализ следует за герменевтикой, и ключевым в этом переходе является принятие феноменологическими психиатрами и экзистенциальными аналитиками хайдеггерианского концепта «заброшенности», а также неразрешенность проблемы истоков психического расстройства. Человек не выбирает тот или иной модус опыта, он заброшен в него, и не исключено, что этот модус может оказаться патологическим.

Заброшенность Хайдеггера очень хорошо накладывается на наличное тогда в психиатрии положение дел с трактовкой психического расстройства. В отношении причин эндогенных психических расстройств (шизофрении, маниакально-депрессивного

психоза) психиатрия лишь разводила руками. Какой-либо устойчивой гипотезы их происхождения не существовало. Расстройство возникало и захватывало человека, психиатрам оставалось только попытаться вылечить его. Именно поэтому концепт заброшенности и должен был очень хорошо прижиться в психиатрии: человек заброшен в расстройство, и не имеет смысла спрашивать «почему». Касаясь экзистенциального анализа Бинсвангера, А. Хольцхи-Кунц пишет об этом: «Отдельный человек всегда “заброшен” в свой горизонт мира (Welthorizont), он всегда обнаруживает себя в его границах, и его об этом не спрашивают. Поэтому здесь герменевтическое исследование подходит к своему концу. Нельзя задаваться вопросом, по какой причине и с какой целью миро-проект все же подчинен категории непрерывности. Неотъемлемые особенности миро-проекта можно схватить лишь в сравнении с другими миро-проектами. То, что может сравниваться, так это различные структуры, поскольку каждый миро-проект отражает определенную структуру со свойственными ей структурными элементами. На место понимания приходит *структурный анализ*»¹⁷.

Именно здесь в философской психиатрии возникает деление на нормальные и патологические структуры. Последние при этом понимаются в сопоставлении с нормальными как дефицитарные, что при использовании герменевтического метода было бы невозможно. Таким образом, само понятие патологии появляется в феноменологической психиатрии и экзистенциальном анализе в методологическом плане в точке перехода герменевтики в структурный анализ.

В заключении необходимо отметить, что методологические процедуры феноменологической психиатрии и экзистенциального анализа, что весьма важно, являются экзистенциально ориентированными: понимание направлено на понимании экзистенции, структурный анализ вскрывает структуру бытия. Эта экзистенциальная направленность была необходима для психиатрии, поскольку патологический опыт больного невозможно перенести в нормальное сознание врача и изучить как свой. Таким образом, феноменологическая психиатрия и экзистенциальный анализ расширили процедуры герменевтики и структурного анализа, представив свой вариант экзистенциальной герменевтики патологического и экзистенциальный анализ структур аномального бытия.

Примечания

¹ См. подробнее: Власова О.А. Философия и психиатрия в XX веке: пути взаимодействия. — М.; Нью-Йорк; СПб., 2008; Власова О.А. Философские проблемы феноменологической психиатрии. — Курск, 2007.

- ² *Lantéri-Laura G.* La psychiatrie phénoménologique: Fondements philosophiques. — P., 1963. — P. 6.
- ³ *Straus E.W.* Phenomenological Psychology: The Selected Papers. — N.Y., 1966. — P. VII.
- ⁴ *Boss M.* Psychoanalysis and Daseinsanalysis. Trans. L.B. Lefebvre. — N.Y.; L., 1963. — P. 32.
- ⁵ *Spicker S.F.* Psychiatrists as Philosopher: Gewidmed Erwin W. Straus / Mental Health: Philosophical Perspectives / Ed. H.T. Engelhardt & S.F. Spicker. — Dordrecht; Boston, 1978. — P. 147.
- ⁶ *Langenbach M.* Phenomenology, intentionality, and mental experiences: Edmund Husserl's *Logische Untersuchungen* and the first edition of Karl Jaspers's *Allgemeine Psychopathologie* // History of Psychiatry. — 1995. — Vol. 22. — № 6. — P. 214.
- ⁷ *Binswanger L.* Einführung in die Probleme der allgemeinen Psychologie. — Berlin, 1922. — S. 32.
- ⁸ *Ясперс К.* Общая психопатология / Пер. с нем. Л.О. Акопяна. — М., 1997. — С. 371.
- ⁹ *Дильтей В.* Построение исторического мира в науках о духе / Пер. с нем. под ред. В.А. Куренного // Собр. соч.: В 6 т. / Под ред. А.В. Михайлова и Н.С. Плотнокова. Т. 3. — М., 2003. — С. 274.
- ¹⁰ *Эко У.* Отсутствующая структура: Введение в семиологию / Пер. А.Г. Погоняйло, В.Г. Резник. — СПб., 1998. — С. 261.
- ¹¹ *Minkowski E.* Le Temps Vécu. — P., 1933. — P. 198.
- ¹² *Ibid.* — P. 216.
- ¹³ См.: *Lacan J.* Sous le titre Psychologie et esthétique (l'ouvrage de E. Minkowski, Le temps vécu. Études phénoménologiques et psychopathologiques, Paris, Coll. de l'Évolution psychiatrique) // Recherches philosophiques. — 1935. — № 4. — P. 429.
- ¹⁴ *Binswanger L.* Über Ideenflucht // Ausgewählte Werke in vier Bänden. Bd. 1: Die Formen missglückten Daseins. Hrsg. M. Herzog. — Heidelberg: R. Asanger Verlag, 1992. — S. 214.
- ¹⁵ *Ibid.* — S. 32.
- ¹⁶ *Straus E.W.* Phenomenological Psychology: The Selected Papers. — N.Y., 1966. — P. X.
- ¹⁷ *Holzhey-Kunz A.* Psychopathologie auf philosophischen Grund: Ludwig Binswanger und Jean-Paul Sartre // Schweizer Archiv für Neurologie und Psychiatrie. — 2001. — № 3. — S. 108.